

Ор. 63.3
С-12

Вильям Савельзон

Оренбургская история в лицах

*50 портретов
на фоне эпохи*

ор 63.3

С 12

УДК [447+52] (092)

ББК 63.3 (12)

Вильям Савельзон

63.3 (2 Рос - 4 Ор) - 8

Оренбургская история в лицах

50 портретов
на фоне эпохи

Оренбург - 2000

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

а-265173
16
17

Броуно

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

ДАЛЬ Владимир Иванович (1801-1872)

Если вы хорошо помните "Капитанскую дочку", то, может, задумывались, почему Петр Гринев едет в кибитке на восток, в Оренбург, с востока же, навстречу, показалось белое облачко, предвещающее бурю, но ямщик почему-то на это облачко "стал посматривать в сторону"? Или почему Савельич, расстроенный проигрышем барина немалых денег Зуриной, "угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрывавая".

Если б и ямщик, и Савельич сидели впереди, лицом к движению, то как ямщик мог смотреть вперед - в сторону, а Савельич - "отворотясь"?

Когда эта загадка заинтересовала меня, я сказал себе то, что все мы говорим в подобных ситуациях: "Надо посмотреть у Даля".

И действительно, у Даля в его "Словаре" нашел объяснение: у кибитки на санях нет козел, а есть облук, облучок - жердь, которая крепится по верхнему краю санного борта. "Сидеть на облучке, на облучке значит боком, свесив ноги", - пишет Даль.

Теперь все становится ясно: ямщик и Савельич сидели не лицом к движению, а боком.

...Немало жило в Оренбурге людей ученых, высокой культуры. Но щедрее всего Бог наградил многими талантами, пожалуй, одного из них - Владимира Ивановича Даля. В нем было что-то от титанов Возрождения, которые были искусны во всем.

Действительно, трудно даже придумать что-то, в чем Даль не был бы мастером.

Моряк, учился в Морском корпусе с П.С.Нахимовым и плавал с ним.

Искусный хирург, выпускник Дерптского университета, куда он поступил, дослужившись до морского лейтенанта и оставив море. Его высоко ценил сам Н.И.Пирогов, который писал:

"Это был замечательный человек. За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить. Находясь в Дерпте, он пристрастился к хирургии, и, владея, между многими способностями, необыкновенною ловкостью в механических работах, скоро сделался и ловким оператором; таким он и поехал на войну".

Имеется в виду русско-турецкая война, начавшаяся в 1828 году, где был ранен Перовский. И из-за этого, как уже рассказывалось, получив назначение военным генерал-губернатором в Оренбург в 1833 году, он пригласил с собой Даля. Не будь этого обстоятельства, жизнь Даля вряд ли была бы связана с нашим краем.

Вернувшись с фронта в Петербург, Даль стал специализироваться на глазных операциях, изучал народные лечебные средства. И хотя из-за мобилизации на войну он не успел закончить курс обучения, вскоре он защитил диссертацию на звание доктора медицины и хирургии.

Будучи способным и энергичным чиновником особых поручений при Перовском, он всегда брал с собою в поездки по краю хирургические инструменты. Известно, что в одну из командировок он искусно ампутировал руку больного, зараженную гангреной, и тем спас его. Кстати, он ампутировал и изувеченную в войне 1812 года руку своего тестя, майора Оренбургского уланского полка Л.В.Соколова.

Врачом он был потомственным. Его отец, библиотекарь при дворе Екатерины Великой, неожиданно оставил эту придворную должность и выучился на врача.

Он был музыкант, отлично играл на многих инструментах и пел. Евгения Воронина, приехавшая в Оренбург в день отъезда из него Пушкина и прожившая тут несколько месяцев, рассказывает в своих письмах, что Даль с женой на музыкальных вечерах пели русские песни.

Был он и знатоком ботаники и зоологии, по его учебникам училась вся Россия. Он создал "Музеум естественных произведений Оренбургского края", то есть краеведческий музей.

Знал топографию, делал съемки маршрутных карт, границ Хивинского ханства.

Он был умелым слесарем, столяром, печником. В своем оренбургском доме, где он принимал Пушкина, он проложил под полом и вывел в печную трубу керамические трубы и "этим достиг такой тяги и очистки воздуха, какой желать можно".

Даль был не только теоретиком, но и человеком, что называется, рукастым. Современник вспоминал о нем:

"Он был необычайно деятелен: от письменного стола переходил к верстаку, к слесарным и другим навезенным инструментам: нужен ли

был винтик, требовалось ли сделать и приладить задвижку - все изготовлял и прилаживал он собственными руками".

Вышла его книга о том, как быстро навести мост из бочек, плотов, лодок. Эту книгу издали и в Париже. А вскоре такой мост соединил Оренбург с Зауральной рощей.

Был он и фольклористом, за год до приезда в Оренбург под псевдонимом Казак Луганский издал переработанные им русские сказки.

В оренбургский период он создал лучшие свои повести, рассказы, очерки, в те времена его даже ставили наравне с Гоголем. В одном из писем Евгении Ворониной мы читаем:

"Вечер провели мы очень приятно. Сначала явился Дурасов, потом Перовский с Далем и его женой. Перовский уехал ранее всех, тогда Даль послал за своими сказками и прочел нам две из них, презабавные и прекрасно написанные в самых народных русских выражениях. Одна под названием "О воре и бурой корове", другая: "Дочь Строева или коровушка-буренушка". И он читал их очень хорошо".

Был он очень способен к языкам. Через несколько месяцев после приезда он уже свободно говорил по-башкирски и по-казахски.

А о том, как хорошо он знал русские говоры и насколько у него было чуткое ухо, свидетельствует замечательный эпизод, о котором вспоминал сам Даль. Ему встретились два монаха, "сборщики на церковное строение":

"Я их посадил, начал расспрашивать и удивился с первого слова, когда молодой сказал, что он вологжанин. Я еще раз спросил: да вы давно в том краю? - "Давно, я все там". - Да откуда же вы родом? - "Я тамодий" - пробормотал он едва внятно, кланяясь. Только что успел он произнести слово это - тамодий, вместо тамошний, как я поглядел на него с улыбкой и сказал: - А не ярославские вы, батюшка? - Он побагровел, потом побледнел, взглянул, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: "Не, родимый!". О, да еще и ростовский! - сказал я, захохотав, узнав, в этом "не, родимый" необлыжного ростовца. Не успел я произнести этих слов, как вологжанин мне бух в ноги: - не погуби!.. Под монашескими рясами скрывались двое бродяг с фальшивыми видами".

Ну а о высоких нравственных качествах этого человека и говорить нечего. Достаточно только почитать, сколько кровавых междоусобиц он предотвратил, сколько споров разрешил в пользу неимущих, но правых! "Пришлите справедливого Даля!" - просили степняки. И это в то время, когда, как вспоминали современники, среди коллег Владимира Ивановича процветало мздоимство, папки с бумагами, от которых, может, зависели жизни и смерти людей, пылились годами, а чиновники проводили рабочие часы за занятыми беседами и спорами, где лучше клюет рыба - в Урале или Сакмаре?

Прибавим сюда еще и его энергию и непоседливость. Только приехав в Оренбург с молодой женой летом 1833 года, он тут же отправился в большую поездку в две с лишним тысячи верст по новым и очень интересным для него местам.

В общем, удивительный он был человек. А было ему, когда он приехал в Оренбург и столь много уже и умел, и сделал, всего-то 32 года.

На памятнике "Пушкин и Даль" в Оренбурге Владимир Иванович на голову выше поэта, поэтому, чтобы зрительно уравновесить, скульптор Н.Г.Петина надела на Александра Сергеевича цилиндр. Все, кто знал Даля, помнят две характерные приметы, доставшиеся ему от датских предков: пронизательные серые глаза и большой орлиный нос. Есть у Пушкина рисунок карандашом оренбургского периода, и там два профиля, по которым с уверенностью можно сказать, что это - Даль: его нос ни с чьим не спутаешь.

Оренбургские годы подарили ему два главных события его жизни. Первое - близкое знакомство с Пушкиным.

До Оренбурга они уже были знакомы. Даль вспоминал:

"Это было именно в 1832 году, когда я, по окончании турецкого и польского походов, приехал в столицу и напечатал первые опыты свои".

И дальше о том, что Пушкин по своему обыкновению засыпал его "множеством отрывочных замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится и только что с языка не срывается".

По-настоящему это знакомство продолжилось в Оренбурге. Единственно за что мы можем быть на Владимира Ивановича в обиде - почему он написал, и то не сразу, а лишь через семь лет, так мало о поэте в Оренбурге? И само по себе это было бы бесценно, и помогло бы нам полнее представить, как выглядел Пушкин, где был, с кем встречался, что говорил?

Хотя по-человечески понять можно: вот он, гений, рядом, так хочется просто смотреть и слушать, не отрываясь на записи.

Кроме того, вполне может быть, что какие-то важнейшие документальные его свидетельства, касающиеся не только Пушкина и не только Оренбуржья, были в тех его бумагах, которые он вынужден был уничтожить.

Василий Алексеевич Перовский и уважал, и жаловал своего верного и способного сотрудника. К примеру, приехал Даль коллежским асессором, а через шесть лет был уже на два класса выше, по Петровской Табели о рангах - коллежским советником, это, по военному соответствию - полковник. И когда губернатор покинул Оренбург, с ним вместе уехал и Даль. В Петербурге по протекции Василия Алексеевича стал служить при его брате, министре Льве Алексеевиче. По четвергам у Даля собирались литераторы, ученые,

музыканты, путешественники, офицеры... Велись интереснейшие беседы, читали, обсуждали...

Но 40-е годы были весьма неблагоприятны для умствующих либералов. Кто-то донес. Министр вызвал Даля к себе:

"До меня дошли слухи, которые могут быть истолкованы в дурную сторону. Что у вас за собрания по четвергам и какие записки вы пишете?"

Сам министр, может, и не стал бы спрашивать, но его заставляли обстоятельства: его недруги граф Орлов и Нессельроде воспользовались бы его бездействием и быстро поставили бы в известность императора Николая, так что Перовский просто хотел опередить события.

Даль как честный человек показал министру все записки и услышал:

- Надобно быть осторожнее.

Мы были бы благодарны судьбе, если б Владимир Иванович попробовал спрятать записки, но он их уничтожил. А это были многие сотни страниц, исписанных убористым далевским почерком. Как многого мы лишились, когда эти листки чернели, сворачивались и обращались в прах в каминном огне!

Любопытно, что через несколько десятилетий, предположительно по заказу сына Даля, которого он назвал по-восточному Львом-Арсланом, была написана икона, экспонировавшаяся в Петербурге в Музее истории религии и атеизма: "А.С.Пушкин и В.И.Даль в виде святых Космы и Дамиана".

Это было неслыханным: Пушкин и Даль на иконе! Но - в виде святых, тут не придерешься. Несомненно, Косма и Дамиан выбраны не случайно. Эти два христианских святых-великомученика - братья-врачи, погибшие от злобы и зависти окружающих. Тут черты и судьбы обоих - и Пушкина, и Даля. Иконописец хотел подчеркнуть их духовную близость, и икона эта смотрится больше светским живописным произведением.

Можно только представить себе живую радость общения в те оренбургские дни двух талантливых людей, только еще вошедших в пору творческой зрелости. Были и серьезные разговоры о Пугачеве, об эпохе Петра. Обменялись сюжетами сказок.

"О Георгии храбром и о волке", - писал позже Владимир Иванович, - рассказано мне А.С.Пушкиным, когда он был в Оренбурге и мы вместе поехали в Бердскую станицу".

А Пушкин после этой поездки написал "Сказку о рыбаке и рыбке", прислав ее Далю с надписью "Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому - сказочник Александр Пушкин".

Все бы мы отдали, как те две оренбургские барышни, узнавшие, что у Даля будет Пушкин, и забравшиеся на дерево, но из-за двойных рам ничего не услышавшие, чтобы послушать, о чем беседовали после

поездки в Берды и прогулки по городу эти два человека в доме Даля на нынешней улице Ленинской позади драмтеатра!

И много они в те дни смеялись от душевного здоровья, радости встречи, чувства юмора, присущего обоим: в бане над охотничьими рассказами Артюхова, потом над забавными деталями рассказа старухи Бунтовой.

Думаю, посмеялся Пушкин и повествованию Даля об оренбургском обычае: город был совсем невелик, отовсюду - шаг шагнуть. Но было неприлично пойти в гости за угол пешком. Закладывался экипаж, иной раз запряженный четверкой лошадей, господа степенно усаживались, ехали считанную сотню метров и с достоинством выгружались, чтобы визит был по всем правилам оренбургского этикета. Мы прочтем об этом обычае в повести Владимира Ивановича "Бикей и Мауляна".

Благодаря Далю, мы знаем, что он показывал Пушкину в Оренбурге и как тогда выглядели город и окрестности. Вот его словесная зарисовка, сделанная от Менового двора, из-за реки Урал:

"В тылу у зрителей был огромный каменный меновой двор, коего стены бесконечного протяжения, казалось бы, готовы заключить в себе всех верблюдов Средней Азии. Позади менового двора, верстах в двух, на том же левом пологом берегу Урала, зеленелась рощица, одна-одинехонька в обширной степи; на противоположном, крутом, европейском берегу реки высились несколько каменных зданий, разрушающийся губернаторский дом, собор - а повыше, в Форштадте, церковь Георгиевская, знаменитая тем, что Пугачев во время приступа к Оренбургу употребил колокольню Георгиевскую вместо барбета: он втащил на нее пушку, из которой стрелял, за неимением снарядов, пятаками".

А вот таким, по Далю, видел Пушкин Гостиный двор на главной улице города:

"В Оренбурге есть и гостиный двор, но это огромное здание более походит на арестантский двор или на монастырь; лавки все обращены внутрь, а снаружи видны одни только стены; все глухо, пусто, мертво, и покупщики неохотно туда заходят".

Правда, в записках о Пушкине Даль специально оговаривается, что показывал и рассказывал только в меру своих пока еще небольших знаний о городе, ведь он приехал сюда всего за несколько недель до этого. Отсюда и неточности в том, что он рассказывал Пушкину. Желющих подробнее узнать об этой теме могу отослать к своей книге "Пушкин и Оренбуржье. Над страницами "Капитанской дочки" и "Истории Пугачева".

Они расстались, полные планов и творческих замыслов.

Но так случилось, что Даль оказался у смертного одра Пушкина. Он был в ту зиму в Петербурге, узнал о дуэли и ранении и помчался на Мойку, 12.

"Я подошел к болящему, он подал мне руку, улыбнулся и сказал: "Плохо, брат!" Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ты - я отвечал ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира".

Быть может, при виде Даля, в эти последние часы мелькнуло у Пушкина какое-то оренбургское воспоминание?

Дальше Владимир Иванович записал:

"Друзья и ближние молча, сложа руки, окружили изголовье отходящего. Я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал:

- Кончена жизнь!

Я не дослышал и спросил тихо:

- Что кончено?

- Жизнь кончена, - отвечал он внятно и положительно.

- Тяжело дышать, давит, - были последние слова его".

Далю, как следует из его воспоминаний, достался от вдовы поэта дорогой подарок, который он, наверно, привез в Оренбург: пушкинский любимый перстень с изумрудом. Сейчас он хранится в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина. Мне довелось видеть его. На черном бархате изумруд источает чистый зеленый свет.

Об этом подарке Даль писал:

"Перстень Пушкина для меня теперь настоящий талисман. Как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы и хочется приняться за что-нибудь порядочное".

У другого подарка - черного сюртука с пробоиной от смертельной пули - своя история. За несколько дней до роковой дуэли Пушкин показал Далю на свой только что сшитый сюртук:

- Эту выползину я теперь не скоро сброшу.

Даль потом пояснил:

"Выползиною называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого сюртука надолго ему станет. Он действительно не снял этого сюртука, а его спороли с него 27 января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку от раны".

Этот сюртук Даль отдал М.П.Погодину, у которого его потом украли.

К сожалению, нет достоверных сведений, не было ли среди того, что получил тогда Даль, и посмертной маски Пушкина, которая как дорогая реликвия хранится сейчас в оренбургском музее.

Владимир Иванович как врач участвовал во вскрытии покойного и написал специальную медицинскую статью.

А автор нескольких книг о Пушкине Агния Кузнецова пишет, что именно Далю довелось принять последний вздох и умирающей Натальи Николаевны Пушкиной.

Второе же событие - это начало главного труда всей жизни Владимира Ивановича, титанического труда, на который подвигнул его Пушкин: собрание, систематизация материалов уже упомянутого будущего "Толкового словаря живого великорусского языка". В нем 200 000 слов, в том числе 80 000 зарегистрированы им впервые. А потом Даль собрал и издал "Пословицы русского народа".

И мы, оренбуржцы, можем гордиться, что значительная часть этих слов и пословиц собрана им в наших, оренбургских местах. Немало их сопровождается пометкой "Орнб" или "Урал-казч".

До сих пор все так же мудро звучит вот эта мысль из "Напутного" к "Пословицам русского народа":

"Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная, и хорошая сторона. Отцы и деды - для него великое дело; не раз ожегшись на молоке, он дует и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: "Все по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?" Он неохотно отступает от того, что безотчетно всосал с матерним молоком и что звучит в мало натруженной голове его складною речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная. Выскажу убеждение свое прямо: словесная речь человека - это дар божий, откровение: доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашел, она проста, пряма и сильна; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлеет, а в научном круге получает особое, условное значение".

Как известно, запоминаются начало и конец беседы или пути. Поскольку начало нашего жизненного пути у всех одно, в памяти людей остается, как мы проживаем последние минуты. Даль и тут был Далем. Перед смертью его сразил апоплексический удар. Уже еле владея языком, он подозвал свою дочь и продиктовал ей несколько новых слов, которые он услышал от прислуги.

Один из героев А.Платонова говорит: "Без меня народ неполный". Без созданного Далем неполным было бы народное самосознание.

